

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ АБХАЗСКОЙ ПРОБЛЕМЫ В СВЕТЕ ДОКУМЕНТАЛЬНО ПОДТВЕРЖДЕННОГО, А НЕ ФАЛЬСИФИЦИРОВАННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА И СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Современное международное сообщество государств в последние годы, а именно после окончания холодной войны и начала демократических преобразований на постсоветском пространстве, столкнулось с весьма опасным для мира и стабильности международно-правового порядка явлением — с так называемыми этноконфликтами, приобретающими, как правило, форму агрессивного сепаратизма и угрожающими суверенитету и территориальной целостности суверенных демократических государств — членов ООН и других международных организаций.

Как показывает опыт борьбы с агрессивным сепаратизмом в рамках ООН и СНГ, этим термином прежде всего определяются действия групп лиц, использующих национальные чувства своих малых народов или национальных меньшинств, проживающих в пределах суверенных независимых государств, для подрыва суверенитета и территориальной целостности этих государств путем вооруженного путча с целью создания независимого государства без учета воли остального населения данного государства, составляющего большинство; как правило, это движение тесно связано с зарубежными политическими, экономическими, а главное — с военными структурами, оказывающими сепаратистам всяческую, опять же часто открыто, морально-политическую и, как правило, полуприкрытую экономическую и военную, вплоть до интервенции, помощь.

Международное сообщество отказывается признать приобретенную такой ценой независимость, кроме борьбы колониальных и зависимых народов, и делает все, чтобы восстановить мир и порядок внутри заинтересованных государств, во всем регионе, который, как правило, вовлекается в зону конфликта.

Характерно и другое явление: готовясь к вооруженному конфликту, агрессивный сепаратизм осуществляет агрессивную идеологическую политику, не останавливаясь перед фальсификацией исторических фактов, подготавливая общественность не только к “справедливости” притязаний сепаратистов “на самоопределение, вплоть до отделения”, но и к “стерилизации” территории будущего государства, а именно к геноциду и этнической чистке в отношении “неудобного” населения.

Все эти явления, к сожалению, проявились в конфликте в Абхазии — исторически неотделимой части Грузии.

В данной статье я не буду касаться всех аспектов этой проблемы, а затрону лишь те, которые поставлены В. Похлебкиным в его статье “**Правовые аспекты абхазской проблемы в свете исторического опыта**” (“Московский журнал международного права”. — 1996. — № 4. — С. 122—135). Это тем более необходимо, что этот пасквиль, иначе я не могу назвать эту публикацию, опубликован в столь уважаемом и авторитетном издании, каким является данный журнал.

Для этого достаточно ознакомиться с “выводами” автора. Так, В. Похлебкин не скрывает своей главной цели: доказать право абхазского народа на создание независимого государства.

Вот так с плеча рубит В. Похлебкин и низвергает в пропасть действительно многовековой исторической опыт именно сожительства, причем теснейшего сожительства двух коренных народов Абхазии.

Но обратимся к фактам. Рассуждения В. Похлебкина содержат несколько пластов “доказательств”: 1) исторический прецедент; 2) невозможность объединенного абхазского и грузинского управления и совместного проживания народов этих стран; 3) конституционные права Абхазской Республики на легитимное государственное образование, обладающее международно-правовым статусом, завоеванным народом Абхазии в национально-освободительной борьбе в 1917—1921 годах; 4) административно-юридические основания; и наконец, 5) правовой аспект, в XX веке содержащий в себе и право наций на самоопределение вплоть до отделения в самостоятельное государство (с. 134).

Поскольку рассуждение, а скорее всего тезисное изложение важнейших исторических и правовых факторов, не содержит ни одного документального подтверждения, я вынужден прибегнуть прежде всего к документальному опровержению этих тезисов.

1. О чем свидетельствует история существования Абхазии, в чем состоит “исторический прецедент”?

Обратимся прежде всего к постулатам В. Похлебкина.

Постулат первый: “с середины VIII века, т.е. на 100 лет ранее создания Киевской Руси (знаменательное сравнение! — *Авт.*), Абхазия стала независимым государством (746 г.) и просуществовала в этом качестве непрерывно 200 лет — до 995 года. За это время Абхазия распространила свое влияние на более отсталую в экономическом и культурном отношении Имеретию (?) (Западную Грузию) и, присоединив к себе эту территорию, стала называться Абхазским царством, сохраняя этот статус до 1239 года, повысив свой статус с княжества до царства... Абхазское царство прекращает свое существование в 1239 году, потому что процветающая приморская Абхазия не захотела более тащить на своих плечах нищую, отсталую Имеретию и отделилась от нее вновь в самостоятельное княжество как удел князей Шервашидзе...”

Следовательно, Абхазия как независимое государство просуществовала непрерывно свыше 500 лет (746—1248 гг.) (а не “1239”, см. выше. — *Авт.*), продемонстрировав за полтысячи лет свою социальную, экономическую и национальную устойчивость как государства” (стр. 125).

А теперь обратимся к действительным явлениям¹. По данным археологических изысканий, в периоды Ранней и Средней, особенно Поздней Бронзы (вторая половина II тысячелетия до н.э.) на территории Абхазии, так же как и в остальных областях Восточного Причерноморья и всей Западной Грузии, засвидетельствована общекокасская (западногрузинская) культура, в ареал которой входила территория современной Абхазии. Согласно ан-

тичным авторам (Гекатей Милетский — VI в. до н.э., Геродот — V в. до н.э., Псевдо-Скилак Кариандийский — IV в. до н.э., Страбон — I в. до н.э. и др.), среди племен, проживающих вдоль восточного побережья Черного моря, доминирующее положение занимали колхи (грузинское племя), которые, объединив местные племена, в VI веке до н.э. создали Колхидское царство (первое западногрузинское государство). Античные авторы зачастую объединяют племена, населяющие Колхидское царство, в один собирательный термин — колхи.

Первое упоминание предков абхазских племен (апсиллов и абазгов) на территории Северо-Западной Колхиды относится к I—II векам н.э. (Гай, Плиний, Секунд, Флавий Арриан).

Географическое название “Абхазия” (груз. — “Апхазети”) и этноним “абхаз” (груз. — “апхаз”) идут с грузинского языка. Сами абхазы именуют себя “апсуа”, а Абхазию — “Апсны”. Время появления терминов “апсуа” и “Апсны” не установлено.

В I—II веках в горных регионах нынешней Абхазии (частично захватывая и побережье) создаются княжества абазгов и апсиллов, а на побережье к западу от апсиллов — княжество санигов. Они вместе с грузинским царством Лазикой (Эгриси) подчинялись Римской империи, а впоследствии — Византии.

С начала IV века Лазское царство усиливается и постепенно объединяет почти всю Колхиду (Западную Грузию), включая территорию современной Абхазии.

На рубеже VI—VII веков Византия, упразднив царскую власть в Западной Грузии, образовала к югу от реки Кодори патрициат Лазики, а на территории, расположенной севернее, — архонтат Абазгии (в грузинских источниках “эриставство Абхазии”. Груз. “эриставство” — термин, идентичный русскому “воеводство”).

С этого времени этноним “абхаз” (“абазг” византийских источников) приобретает политический оттенок и употребляется для обозначения всего населения эриставства Абхазии.

К 30-м годам VI в. усилившееся эриставство Абхазии включается в борьбу Лазики (Эгриси) против Византии и арабских захватчиков. В результате совместных усилий арабы были изгнаны из Западной Грузии.

В 80-х годах VIII в. произошло политическое объединение Западной Грузии. Вассал Византии правитель Абхазии эристав Леон I по указу императора вошел под покровительство царей Картли (восточногрузинское государство) Мира и Арчила, власть которых простиралась и на Эгриси. Эристав Абхазии Леон I, женившись на дочери царя Эгриси, фактически стал обладателем царской короны, однако царем себя не объявил.

В 80-х годах VIII в. правитель Абхазии Леон II сумел осуществить политическое объединение всей Западной Грузии. К концу века Леон II с помощью хазар (мать Леона была дочерью хазарского кагана) полностью освободился от византийской зависимости и начал борьбу за создание нового, более крупного политического образования. В этой борьбе Леон опирался наряду с абхазами и на грузинское население Западной Грузии. Эта поддержка помимо историко-культурной близости между абхазами и грузинами, их общих интересов в борьбе против византийского

владычества была обусловлена и родственными связями правящих династий Абхазии и Эгриси.

Завладев землями до Лихского хребта, Леон II принял титул царя абхазов и перенес свою резиденцию из Анакопии (ныне Новый Афон) в Кутаиси.

Новое западногрузинское государство стало называться "Абхазским царством". Его население в основном, естественно, состояло из грузин (картов, мегрелов, сванов), определенную часть составляли и абхазы. Входили в него и другие народности и племена Кавказа.

Грузинский элемент составлял большинство населения нового государства. Кроме того, он являлся более развитым в социально-экономическом и культурном отношении. И вполне понятно, почему грузинский язык получил всеобщее распространение как основной язык письменности и культуры во всем Абхазском царстве, став государственным языком.

С точки зрения административного деления Абхазское царство состояло из восьми эриставств (военно-административных единиц): Абхазского, Цхумского, Бедийского, Сванского, Рача-Такверского, Гурийского, Кутаисского и Шорапанского. Из этих восьми эриставств территорию собственно Абхазии представляли два эриставства: Абхазское и Цхумское, в которых в основном проживало собственно абхазское население. Вместе с тем здесь следует отметить и то, что на территории самой Абхазии наряду с абхазами проживали и грузины. Таким образом, к коренному населению собственно Абхазии относятся и абхазы, и грузины.

Название этого нового государственного образования в Западной Грузии — Абхазское царство, естественно, произошло от названия князей Абхазии, выступивших в роли объединителей Западной Грузии. Заметно окрепнув, Абхазское царство в IX веке сумело достичь и независимости западногрузинской церкви от Константинопольского патриаршества. Глава западногрузинской церкви — абхазский католикос, местопребывание которого находилось в Бичвинте (Пицунда), по церковно-иерархической линии был подчинен восточногрузинскому (Мцхетскому) католикосу. В связи с этим богослужение в церквях Западной Грузии вместо греческого стало вестись на грузинском языке.

Абхазское царство, что вполне естественно, включилось в борьбу за объединение всей Грузии в единое государство.

Другим сильным государством в юго-западной части Грузии было Тао-Кларджетское княжество, возникшее в начале IX века, во главе которого утвердился род Багратионов. Наивысшего расцвета Тао-Кларджетское княжество достигло при Давиде III (ум. 1001), носившем также титул курапалата Византийской империи, так как Тао-Кларджетское княжество было в зависимости от Византии. В 975 году Давид III добился утверждения правителем Картли своего приемного сына Баграта III, который происходил из рода тао-кларджетских Багратионов, был сыном правителя одной части провинции Тао, а по материнской линии приходился племянником абхазскому царю Феодосию. В 978 году Баграт III занял уже и престол Абхазского царства. Усилившись таким образом, Баграт III сумел подчинить своей власти значительную часть Грузии и стал первым царем объединенного Грузинского царства.

Инициаторами и проводниками этого объединения феодальной Грузии явились правящие круги Абхазского царства, для которых Баграт III (по линии отца — наследник тао-кларджетских владетелей, а по линии матери — абхазских царей) оказался весьма подходящей фигурой в качестве царя объединенного Грузинского царства.

Абхазское царство явилось сильным грузинским государственным образованием, сыгравшим определенную роль в политическом объединении феодальной Грузии. Поэтому и не случайно то обстоятельство, что в полной титулатуре царей объединенной Грузии на первом месте значился титул “царя абхазов”, а затем “царя картвелов”, “царя кахов” и т.д.

Таким образом, термины “Абхазия” и “абхазы” в VIII—XIII веках, как это верно заметил Э.В. Анчабадзе, имеют тройное значение. В одном случае они подразумевают собственно Абхазию и абхазов, в период же существования Абхазского царства в IX—X веках используются в качестве названия всей Западной Грузии и ее населения, а после создания единого грузинского феодального государства, то есть объединения всей Грузии (с XI в.) иногда распространялись на всю Грузию и в течение определенного исторического периода являлись синонимами понятий “грузин” (“картвели”) и “Грузия” (“Сакартвело”) вообще².

Одно важное обстоятельство: в “золотую эпоху” для Грузинского объединенного царства (XI—XIII вв.), и прежде всего в период от Давида Строителя до царицы Тамары, Грузинское (Абхазское) царство, простираясь от Черного до Каспийского морей, явило собой великую державу, с которой считалась не только вся Передняя Азия, но и Киевская Русь, Византия и даже Рим и вообще Западная Европа.

Историческим фактом является то обстоятельство, что в эпоху феодализма титулатура монархов начиналась прежде всего с перечисления исконных, родных земель, а затем содержала перечисление других приращений³. Так, российские императоры величали себя: Самодержцами Московскими, Киевскими, Владимирскими, Новгородскими, Царями Казанскими и Астраханскими... и т.д.

То же самое наблюдается и в титулатуре грузинских монархов — Давид Строитель был “царем абхазов (Западная Грузия), картвелов (сегодня Картли плюс Месхетия), эров и кахов (т. е. Кахетия), сомхитии (Южная Картли)”. Георгий III прибавляет к титулу Шахинша (бывшее армянское царство) и Ширванша (Ширван — часть сегодняшнего Азербайджана) и т.д.

Если для царей объединенной Грузии, как и вообще для грузин, абхазец не был бы таким же грузином в культурном и политическом смысле, как эгр, карт, ках, тогда цари Грузии, наверное, постарались бы внести изменение в свою титулатуру.

Вряд ли кто-либо станет отрицать грузинское происхождение царицы Тамары, но и она в период своего царствования именовалась зарубежными историками “падишахов” “царицей Тбилиси и Абхазии” (персидский историк XIII—XIV вв. Ибн-Исфандияр; аналогичны упоминания, содержащиеся в трудах византийских, арабских, греческих, армянских историков, азербайджанских поэтов и писателей, например у Низами Гянджеви и Хакани).

Таковы факты.

Бросается в глаза неосведомленность В. Похлебкина об элементарных исторических процессах; пытаясь “доказать” независимое существование Абхазии и с 985 по 1239 год, он “забывает”, что в этот период абхазский владетель объединил всю Западную Грузию, далеко выходящую за пределы собственно Имеретии.

Более того, если уж он взялся за исторические прецеденты, то ему не следовало бы обеднять термин “Абхазское царство”, ограничиваясь лишь Западной Грузией, а объявить Абхазией, в его понимании, все Грузинское царство XI—XIII веков. Но он “забыл” о существовании мощного, подлинно независимого объединенного грузинского, порой именуемого абхазским, царства, известного сегодня всему миру как родина Восточного Ренессанса, давшего миру Шота Руставели, основателя “грузинской школы неоплатонизма” Иоанна Петрици, двух академий наук — в Икалто (Кахетия) и Гелати (близ Кутаиси), где преподавались философия и дипломатическое искусство. Что касается “отсталости Имеретии” (Западной Грузии, согласно версии В. Похлебкина), то историческим фактом является и то, что с VIII—IX веков греческий язык уступает место грузинскому как языку письменности, государственного делопроизводства и богослужения. В IX—X веках церкви царства Абхазии полностью вышли из подчинения Константинопольского патриархата и вошли в состав грузинского автокефального Мцхетского католикоса. Цари Абхазии упразднили греческие епархии, основав новые епископские кафедры, которые стали очагами грузинской культуры. В царстве Абхазии были созданы значительные грузинские агнографические и гимнографические произведения, на грузинском языке была составлена и хроника — “Диван абхазских царей”. В этот период расширяется строительство церквей. Все сохранившиеся памятники архитектуры, расположенные на территории современной Абхазии, имеют общегрузинский характер. С IX—X веков в Абхазии засвидетельствована грузинская эпиграфика. “Наиболее древние грузинские надписи, — пишет абхазский ученый Х. Бгажба, — засвидетельствованные на территории современной Абхазии, как лихненская, анухвская, царчинская, гумуришская, илорская... датируются в основном XI—XII веками, хотя некоторые из них могут быть отнесены и к более раннему периоду...”⁴.

Таким образом, В. Похлебкин просто-напросто “стер” с карты Закавказья XI—XIII веков Грузинское объединенное, централизованное царство, а часть его объявил “независимым Абхазским царством”.

Большее издевательство над историей Грузии и Абхазии трудно себе представить.

Ослабленное нашествиями монголо-татар (XIII в.) и Тимура (XIV в.), грузинское государство к концу XV века распалось на отдельные царства и княжества. Западногрузинские владетельные княжества — Мегрелия, Гурия, Сванети — оставались в вассальной зависимости от царства Имерети, возникшего после распада единой Грузии на “Грузии”. Степень зависимости княжеств от имеретинского царя определялась могуществом последнего. До XVII столетия Абхазия периодически находилась под властью Одишского (мегрельского) княжества. Впоследствии, усилившись, Абхазия оформилась в самостоятельное владение (“самтавро”) и, продвинув “южные

границы своего княжества от р. Кодор до р. Ингури”, расширила свою территорию за счет части земель Мегрелии (территория нынешнего Очамчирского района и Гальского района — “Самурзакано”). В этот период происходит сужение понятия “Абхазия”. С этого времени оно уже не употребляется для обозначения не только всей, но даже Западной Грузии, а обозначает собственно Абхазское княжество (приблизительно в пределах нынешней автономии), в котором преобладало грузинское население.

Нашествия монголо-татар, Тимура, всевозрастающая агрессия Турции (конец XVI в.), вызвавшие экономический упадок, поредение населения в стране, открыли путь новой широкой волне иммиграции на территорию нынешней Абхазии горских (адыго-чеченских) племен, смешавшихся с местным населением. Все это пошатнуло позиции христианства (часть населения приняла ислам, местами возродилось язычество), способствовало утверждению в определенной степени отличных от грузинских традиций быта и форм хозяйствования.

2. О так называемой “невозможности совместного политического и этнического проживания грузин и абхазов” и роли царизма

Внешние и внутренние политические осложнения в конце XVIII века определили стремление политических сил Грузии к союзу с могущественной единоверной Россией, интересы которой на Кавказе все четче вырисовывались в противоборстве с Турцией и Ираном. В 1783 году между Россией и Восточной Грузией был заключен Георгиевский трактат, по условиям которого Российская империя брала под покровительство Каргл-Кахетинское царство. Однако Россия нарушила условия трактата и в 1801 году аннексировала Каргл-Кахетинское царство. Позднее Россия постепенно присоединила и всю Западную Грузию, в том числе и Абхазию, упразднив тем самым более чем двухтысячелетнюю грузинскую государственность. В 1805 году князя Самурзакано Манучар и Леван Шервашидзе, “объявив себя подданными мегрельского князя”, изъявили желание вместе с ним вступить в подданство России. Вступление Абхазии в подданство России произошло в 1810 году (характерно, что прошение князя Шервашидзе было представлено на грузинском языке). Затем Россия упразднила Имеретинское царство и все владетельные княжества, превратив их в административные единицы Российской империи. После небольшого периода “терпимой автономии” со второй половины XIX века (в 1864 г.) Абхазия была реорганизована в Сухумский отдел, а в 1883 году — в Сухумский округ и подчинилась царской администрации Кавказского наместника и местной власти Кутаисского губернатора⁵.

Понимая, какое сильное политическое и культурное влияние оказывала на Абхазию Грузия, Империя с самого начала приступила к искоренению “грузинского духа” в регионе.

Этот процесс стал всеобъемлющим после того, как абхазский народ был наказан за сопротивление гнету и связь с народами Северного Кавказа,

ведущими войну с Россией. Жестоко подавив восстание 1866 года, царизм объявил абхазов “виновным населением”, обложил их дополнительным налогом, запретил селиться в определенных районах. Кстати, грузинам, живущим за р. Ингури, также запрещалось селиться в Абхазии.

Репрессии вынудили десятки тысяч абхазов поменять родину и эмигрировать в Турцию. Из 65 тыс. родину покинуло 30 тыс., а не 400 тыс., как утверждает В. Похлебкин, и лишь половина из них впоследствии вернулась (“махаджирство”).

Тем временем активная колонизация всего черноморского побережья прогрессировала: земли раздавались военным и гражданским чинам, русским и другим колонистам.

Стремясь к всемерному ослаблению грузинского влияния и ассимиляции народов, проживающих в Абхазии, главноначальствующий гражданской частью на Кавказе князь Голицын и экзарх Алексей писали обер-прокурору Синода: **“Сухумскую епархию желательно оторвать от весьма нежелательного грузинского влияния”** (выделено мною. — *Авт.*). С этой целью было бы очень полезно присоединить Сухумскую епархию к Кубани. В Кубанском крае насчитывается 1 716 245 чисто русского православного населения. В этой массе легко растворится 100-тысячное многоязыковое население черноморского побережья”. Та же мысль подчеркивалась и в рапорте заместителя Кутанского военного губернатора от 15 сентября 1887 г.: **“Грузинское население в Сухумском округе служит тормозом к обрусению края** (выделено мною. — *Авт.*)”⁶.

Неослабное внимание уделялось языковой политике. В связи с этим приведём высказывание небезызвестного исследователя Кавказа, апологета русификаторской политики царизма Е. Вейденбаума: “Абхазский язык, не имеющий письменности и литературы, обречен, конечно, на исчезновение в более или менее близком будущем, вопрос в том: какой язык заменит его? Очевидно, что роль проводника в населении культурных идей и понятий должен быть играть не грузинский, а русский язык. Мне кажется потому, что учреждение абхазской письменности должно быть не целью само по себе, а только средством к ослаблению, путем церкви и школы, потребности в грузинском языке и постепенной замене его языком государственным (выделено мною. — *Авт.*)”⁷.

Особое место в русификаторской политике отводилось колонизации. Председатель Тифлисского комитета по сословно-поземельным делам князь Святополк-Мирский советовал правительству воспользоваться трагедией абхазского народа — “махаджирством”. Следует отметить, что от имени грузинского народа с гневным протестом против “махаджирства” выступили в грузинской (тбилисская “Дроеба”) и русской (петербургский “Голос”) периодической печати признанный лидер нации Илья Чавчавадзе, Г. Церетели, С. Месхи, И. Меунаргия, Д. Мачавариани и др. Известный грузинский журналист Л. Мчедlishvili опубликовал в газете “Дроеба” (1878. — № 192) первое художественное произведение об этой страшной трагедии абхазского народа.

В апреле 1920 года правительство Демократической Республики Грузии поставило в Верховном Совете Антанты вопрос о возвращении махаджиров на родину⁸.

Святополк-Мирский же предлагал способствовать переселению абхазов в Турцию, а на опустевшие земли по обе стороны р. Бзыби заселить казаков, положив тем самым начало русскому поселению, активному обрусению края. Характерно, что царское правительство выделяло инородцам (прежде всего русским, а также в некоторых случаях болгарам, немцам, грекам, эстонцам и др.) по 15 десятин земли, а местным абхазам и грузинам — лишь по 5 десятин и то за соответствующую мзду. Широко практиковалась и раздача крупных земельных участков (до 8 тыс. десятин) российским помещикам, высшим военным чинам и гражданским чиновникам, монастырям. Эти колонизаторские мероприятия, являясь частью самодержавной политики на Кавказе, преследовали и важнейшие военно-стратегические цели.

Если, согласно версии В. Похлебкина, Абхазия никогда не принадлежала Грузии, если все грузинское было инородным телом и не прививалось абхазам и, напротив, они веками вели освободительную войну не только “с Турцией и Россией, но и с грузинами”, то как объяснить политику царизма, направленную прежде всего на искоренение грузинского культурного и политического влияния в регионе?!

Вот как характеризовали грузино-абхазские отношения сами абхазы, а именно поручик князь Б. Эмухвари, князь М. Маршания, поручик Т. Маргани, князь К. Инал-Ипа, “избранные от всех сословий абхазского народа”, в своей записке на имя председателя Тифлисского комитета по сословно-поземельным делам, генерал-адъютанта князя Святополка-Мирского от 23 марта 1870 г.:

“Издrevле Абхазия составляла часть бывшего Грузинского Царства... Цари грузинские никогда не исключали Абхазии из большой грузинской семьи и как до разделения царства, так и после до самого последнего времени существования своего титуловались царями Грузинскими, Карталинскими, Абхазскими, Имеретинскими и Кахетинскими. Когда грузинский царь Вахтанг VI в начале прошлого столетия, предпринимая издание законов, вызвал из всех провинций бывшего Грузинского Царства депутатов для содействия ему в этом труде, то между ними были и депутаты от абхазского народа, который до последнего времени сохранил у себя древнейшие грузинские обычаи.

Не менее важными свидетелями принадлежности Абхазии к Грузии могут служить кроме христианских храмов и развалины разных светских и военных построек. Просители выражали надежду, что они (абхазы) не будут **“исключены из общей семьи грузинских народов, к которой искони принадлежали”** (выделено мною. — *Авт.*)⁹.

В 1916 году Тбилиси посетила абхазская депутация в составе князей М. Шервашидзе, М. Эмухвари, А. Инал-Ипа, П. Анчабадзе и представителей крестьянства Б. Эзухбая и А. Чукбар. Они от имени абхазского народа представили прошения по экономическому и культурному развитию края и поставили вопрос о преобразовании Сухумского округа в отдельную губернию. **“Если последнее невозможно, — заявили они, — то ни в коем случае не присоединять его (Сухумский округ) к какой-либо другой губернии, кроме Кутаисской”** (выделено мною. — *Авт.*). Также настоятельно требовала депутация не отделять от экзархата Грузии Сухумскую епархию, “ко-

торая всегда являлась нераздельной частью грузинской церкви (выделено мною. — *Авт.*)¹⁰.

Беспочвенность утверждений В. Похлебкина очевидна и для 1918—1921 годов — периода существования Демократической Республики Грузии, окрещенной большевиками “меньшевицким режимом”, делавшими все, чтобы противопоставить абхазов и грузин как после Февральской революции, так и особенно после октябрьского переворота 1917 года. Ярким свидетельством этого является инспирированное большевиками обострение грузино-абхазских отношений в период существования Закавказского комиссариата и Демократической Республики Грузии (1917—1921 гг.), когда грузинский народ самоотверженно боролся за восстановление потерянной в 1801 году более чем двухтысячелетней государственной самостоятельности. Пронски большевиков в Абхазии хорошо известны. Однако вначале после неудачной попытки ряда абхазских лидеров включиться в Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, не являвшийся межгосударственным образованием, руководство Абхазии встало на путь восстановления тесных правовых связей с Грузией.

8 ноября 1917 г. состоялся съезд абхазского народа, который создал Абхазский Народный Совет (в составе АНС были представлены только абхазы), превратившийся в орган реальной власти. Съезд принял Декларацию и Конституцию Абхазского Народного Совета. 9 февраля 1918 г., то есть еще до объявления Грузии независимой республикой, в Тбилиси прибыла группа членов АНС и вела переговоры с членами исполнительного комитета Национального Совета Грузии о взаимоотношениях между Грузией и Абхазией. Было достигнуто соглашение, по которому Абхазии предоставлялась автономия в составе Грузии. В развитие и дополнение этого соглашения в июне 1918 года был заключен договор между правительством Демократической Республики Грузии и Абхазским Народным Советом, согласно которому внутреннее управление в Абхазии принадлежало Абхазскому Народному Совету, а при правительстве Демократической Республики Грузии учреждался пост министра по делам Абхазии¹¹.

Таким образом, автономия Абхазии была подтверждена сразу после принятия Акта независимости Грузии (16 мая 1918 г.), а Конституция Грузии, принятая в феврале 1921 года, официально узаконила автономию Абхазии. В докладной записке делегации НСА, представленной в 1919 году председателю Правительства Демократической Республики Грузии, говорится: “20 марта текущего года Народный Совет Абхазии, избранный народами Абхазии на демократических началах, на заседании своем декларировал акт о вхождении Абхазии, как автономной единицы, в состав Демократической Республики Грузии... Этим актом отныне положено прочное основание свободной жизни народов Абхазии в пределах Свободной Грузии. Отныне можем смело заявить перед лицом всего света, что демократия Грузии осуществила то, чего не могли до сих пор осуществить даже некоторые сильные государства”¹². 16 октября 1920 г. Народный Совет Абхазии принял проект Конституции автономной Абхазии, в котором еще раз подтверждалось, что Абхазия входит в состав Демократической Республики Грузии как автономная единица.

Характерная деталь: в Абхазии было выработано три Конституции (проект социал-демократов, Комиссариата Абхазии и группы депутатов Народного Совета Абхазии), и все три текста начинались словами “Абхазия входит в состав Демократической Республики Грузия как автономная единица” с перечислением компетенции общегосударственных органов, к которым относились органы государственной власти Грузии¹³.

Правительство Грузии, будучи на ранней стадии восстановления грузинской государственности, пошло по другому пути, отказавшись от выработки единого текста Конституции Абхазии. Учредительное собрание Грузии приняло Конституцию Грузии (21 февраля 1921 г.) и включило в нее главу “Автономное управление”, объявляющую нераздельной частью Грузии “Абхазию (Сухумский округ)”, а также утвердило “Основное положение по управлению Абхазией”, являющейся “самоуправляющейся (автономной) единицей Республики Грузия с набором прав, предусмотренных в Конституциях Абхазии”. “Абхазский Народный Совет имеет право издания законов по всем вопросам, за исключением лишь касающихся внешней политики, войска, финансов, налоговой, денежной и таможенной систем, общих судебных установлений и Сената, гражданского и уголовного законодательства, общесоциального Законодательства, почты, телеграфа, железных и шоссейных дорог и землеустройства”¹⁴.

Я не буду сейчас анализировать весь комплекс, связанный со статусом Абхазии, отмечу лишь, что, несмотря на противоречивое отношение различных групп в Абхазии к статусу, все они сходились на “автономной единице” с весьма широкими исключительными правами.

Нельзя не отметить, что отказ Грузии придать статусу конституционную форму вызвал недовольство ряда кругов в Абхазии, настроил против грузинского правительства, просуществовавшего после этого всего несколько недель. Думается, что это было ошибкой Демократической Грузии, хотя по содеранию автономия была архиширокой.

То, что Абхазия в течение 1918—1921 годов рассматривалась как часть Грузии, не вызывало никаких сомнений у международного сообщества — страны Антанты признали Грузию “де-факто” (1920 г.) и “де-юре” (1921 г.) в границах, закрепленных Договором с Советской Россией 7 мая 1920 г.

К этому времени в борьбе с Деникиным и большевиками грузинская армия добилась контроля сначала на территории вплоть до Туапсе, но затем закрепила на р. Псоу.

Согласно Договору от 7 мая 1920 г., “Государственная граница между Грузией и Россией проходит от Черного моря по реке Псоу...” и т.д. (ст. III).

“Россия обязуется признать безусловно входящими в состав Грузинского Государства, кроме отходящих к Грузии в силу пункта 1 статьи III настоящего договора частей Черноморской губернии, нижеуказанные губернии и области бывшей Российской Империи — Тифлисскую, Кутаисскую, Батумскую со всеми уездами и округами, составляющими отмеченные губернии и области, а также... Сухумский округ” (ст. IV).

В свете вышеизложенного становится очевидным беспочвенность утверждения о том, что Сухумский округ “был составной частью Черноморской губернии даже при советской власти, до весны 1921 года” (с. 128).

Оказывается, лишь после установления советской власти в Абхазии именно советское правительство “выделило из состава Черноморской губернии... Сухумский округ, Гагринский, Гудаутский” и другие “уезды” (там же).

Если уж господин Похлебкин взялся за “исторические прецеденты”, то он обязан был опираться на факты, а не на подброшенные, заведомо ложные сведения.

Таким образом Абхазии (Сухумскому округу) возвращался Гагринский участок, отторгнутый Империей в 1904 году и включенный в Черноморскую губернию.

Следует отметить, что данным договором Грузия выполнила обещание, данное руководителям Абхазии вернуть в родное лоно Гагринский участок и вообще восстановить старые исторические границы Абхазии при условии вхождения ее в состав Грузии как автономной единицы (февраль 1918 г.)¹⁵.

Правительство Грузии сделало все и для восстановления исторического названия региона — Абхазия.

И еще один факт: как указывалось, именно Демократическая Грузия по просьбе абхазов поставила вопрос перед Верховным советом Антанты о возвращении на родину “махаджиров”, обещая “всеми способами облегчить возвращение на родину своим разбросанным детям”¹⁶.

В свете вышеизложенного возникает вопрос: где вычитал г-н Похлебкин тезис о том, что якобы “имеются базовые историко-этнические доказательства, т.е. многовековым опытом и национальными восстаниями неоднократно подтвержденная несовместимость как абхазско-турецкого, так и абхазско-грузинского государственного объединения” (с. 122—123)? Еще более кощунственным выглядит тезис о том, что якобы до советской власти 1922 года Абхазия к Грузии “никоим образом административно не относилась, да и вообще со всем Закавказьем в целом административно никогда не была связана. ...Через три перевала она тяготела к бассейну Кубани”. И далее: “...административно-юридическим (термин-то какой! — *Авт.*) фактом тем не менее остается то, что Абхазия никогда до 1922 года ни в пределы Закавказья вообще, ни в состав Грузии в частности не входила” (с. 129).

Чего здесь больше — невежества или заказной демагогии, трудно понять, скорее всего и то и другое. Кстати, известный русский ученый-кавказовед, этнограф и языковед, автор абхазского алфавита П.К. Услар свидетельствует: “Абхазия должна служить оплотом для западной части Закавказья и проводником нашего влияния в Черкесии”¹⁷.

Мы оставляем на совести г-на Похлебкина рассуждения об “агрессии” Грузии в Абхазии в 1918—1920 годах, “после чего Абхазия фактически подверглась геноциду” (с. 130), и о тех перипетиях, которые-де, мол, свидетельствуют о желании абхазского народа отделиться от Грузии, вырваться из тисков коварной “соседки”.

Мы противопоставим этой фальсификации лишь несколько документов, свидетельствующих, во-первых, о тщетных попытках большевиков России и их актива в Абхазии взорвать грузино-абхазские отношения изнутри, как одной из мин, направленных на подрыв территориальной целостности и суверенитета “меньшевистского режима” в Грузии, а во-вторых, приведем оценку правового статуса Абхазии, данную самими властями Абхазии и Грузии.

Прежде всего об “интервенции и аннексии” Абхазии Грузией в 1918—1920 годах.

В начале 1918 года сухумские большевики решили установить в Абхазии советскую власть. Не располагая соответствующими силами, они обратились к большевикам Екатеринодара (ныне Краснодар) с просьбой присоединить Сухумский округ к Черноморско-Кубанской Советской Республике и направить части Красной Армии для того, чтобы установить советскую власть в Абхазии, а затем продолжить наступление на Демократическую Республику Грузии. Возникла и другая опасность: протурецкие силы Абхазии под руководством Александра Шервашидзе в июне 1918 года в с. Цхургили, возле реки Кодори, высадили турецкий десант. Угрожала еще одна опасность: к захвату Абхазии, отделению ее от Грузии стремился генерал Деникин. Все эти силы поддерживала лишь немногочисленная часть жителей Абхазии, подавляющее же большинство населения придерживалось грузинской ориентации.

Каково было отношение к упомянутым силам АНС, являющегося тогда верховным выразителем воли абхазского народа? Совет всячески добивался предотвращения опасности со стороны как России (и большевистской, и деникинской), так и Турции. Именно по просьбе этого Совета в свое время были посланы в Абхазию вооруженные силы Грузии, которые изгнали оттуда как большевиков, так и деникинцев, обезвредили турецкий десант.

А вот как реагировала официальная Абхазия на действия грузинских войск. Поскольку некоторые члены АНС придерживались протурецкой ориентации, представитель правительства Грузии И. Рамишвили 18 июля 1918 г. на заседании АНС заявил: “Если это ориентация населения Абхазии, тогда, чтобы избежать неоправданного в данном случае кровопролития, грузинские войска оставят Абхазию”. Однако АНС еще раз подтвердил свое решение о необходимости пребывания грузинских войск в Абхазии. Выступивший на том же заседании член АНС Р. Какуба отметил: “... нет никакой необходимости уводить войска из Абхазии и повергать ее в пучину анархии”, а член АНС Д. Маршания заявил: “Ни в коем случае отряд не нужно выводить из Абхазии”. 19 июля 1918 г. председатель АНС В. Шервашидзе от имени АНС заверил И. Рамишвили в том, что “настоящий состав АНС стоит на одной платформе с грузинским правительством и изменять ему не собирается и что Совет, вступив в соглашение с Грузинской республикой, не может допустить концентрации турецких частей здесь”. А упомянутый Д. Маршания подтвердил: “...изменнических шагов с нашей стороны быть не может, так как грузинские части приглашены для оказания помощи нам в тяжелую минуту и вообще с грузинами мы жили всегда дружно”. Выступивший затем И. Маргания подчеркнул: “...демократическая часть абхазского народа не склонна к турецкой ориентации, так как она несет не демократию, а деспотизм”. 30 июля 1918 г. на заседании АНС Хабидж Ашба убеждал: “...кодорский участок не сыграет роли изменников, ибо они вполне сознают помощь, оказанную грузинским народом... Неужели мы способны на удар ножом в спину?”¹⁸.

Приведенный документальный материал свидетельствует о необоснованности утверждения об оккупации и аннексии Абхазии Демократической

Республикой Грузии. Политическая и юридическая несостоятельность этого тезиса очевидна: во-первых, Абхазия всегда была составной частью единой Грузии, а в 1918 году представляла собой автономную часть Демократической Республики Грузии, что и обязывало правительство Грузии защитить целостность территории республики и входящей в ее состав Абхазии; во-вторых, воинские части Демократической Республики Грузии были приглашены в Абхазию верховным выразителем воли абхазского народа — Абхазским Народным Советом, чтобы спасти Абхазию от большевистского переворота, от нападений со стороны Деникина и Турции¹⁹.

Тут же следует отметить и тот факт, что действия грузинских войск, подавляющих не только вторжение извне, но и местных сторонников, и прежде всего пробольшевистски настроенные движения крестьян, обострили грузино-абхазские отношения, чем умело воспользовались большевики.

3. О независимости Абхазии в 1921—1931 годах

Все это укладывалось в долгосрочную программу большевиков России и Грузии по подготовке вторжения в Грузию, вставшей на путь независимости от большевистской России, проповедовавшей диктатуру пролетариата.

И Абхазия должна была сыграть роль троянского коня.

В связи с этим приведем выдержку из статьи И. Сталина, опубликованной еще 23 мая 1918 г. в газете “Правда”: “Мы уже не говорим о героической Абхазии на побережье Черного моря, единодушно восставшей против черных банд тифлисского “правительства” и с оружием в руках отстаивающей против них Сухум”²⁰.

2 января 1921 г. члены Кавбюро ЦК РКП(б) Г.К. Орджоникидзе и С.М. Киров сообщали ЦК РКП(б): “Нельзя надеяться, что внутри Грузии произойдет решающий взрыв, без нашей помощи ее советизация невозможна. Повод для нашего вмешательства в дела Грузии имеется. Для этого не нужно открытое нападение на Грузию. **Имеем возможность начать движение в Абхазии...** (выделено мною. — *Авт.*)”²¹.

А вот что советует военный атташе при представительстве РСФСР в Грузии генерал-майор П. Сытин в своем докладе от 26 апреля 1921 г.: “...одной из предупредительных мер против местных шовинистов, мер, притом же имеющих общеполитический характер, должно быть оставление достаточно сильных отрядов Красной Армии РСФСР в пределах Грузии.

Второй мерой, ослабляющей грузинский шовинизм и территориально, и материально, я считал бы отделение Абхазии...

Такой акт кроме огромного его стратегического и политического значения для РСФСР передает в руки ВСНХ крупнейшие народные богатства этой страны.

Вслед за Абхазией надо обратить внимание на Мингрелию, страну... (которая) непосредственно граничит по р. Ингури с Абхазией и простирается к югу до р. Риони, это территория с устьем Риона... при котором давно спроектировано проведение порта... могущего заменить Батум, территория чрезвычайно большая в стратегическом отношении, она также может быть

подчинена непосредственному влиянию РСФСР, если и мингрельцам, как абхазцам, будет дана автономия.

Вот этот путь расчленения Грузинской республики на ряд автономных единиц — тем более подчиненных влиянию РСФСР, чем эти единицы меньше, заслуживает большого внимания... (выделено мною. — *Авт.*)”²².

11 февраля 1921 г. сначала части 11-й армии, затем 3-й, 9-й и 13-й армий РСФСР вторглись на территорию Грузии под предлогом якобы начавшегося там восстания трудящихся масс против “меньшевистского режима”. 25 февраля пал Тбилиси.

Вторгнувшись в Абхазию, большевики свергли существующую власть и провозгласили создание Абхазской Советской Социалистической Республики.

И хотя определенные силы в Москве и Сухуми проповедовали независимость Абхазии и даже толкали ее на присоединение к России на правах автономии, реальность исторических корней совместного проживания абхазов и грузин в Абхазии и многовековой принадлежности ее Грузии заставляли РКП(б) маневрировать.

Сначала в Москве с согласия абхазских и грузинских коммунистов было решено, что “сухумская парторганизация должна входить в грузинскую, Абхазия — в состав Грузинской ССР на правах автономии”. Затем тактика изменилась.

Г-н Похлебкин “восхваляет” известных партийных и государственных деятелей Е. Эшбу и Н. Лакобу за то, что они, понимая прежде всего “несовместимость абхазцев и грузин в чисто этнической области”, боролись за отделение Абхазии от Грузии, требовали ее независимости, но затем под давлением Москвы пошли на заключение с Грузией договора о союзе, в котором “юридически стороны сохраняли свой статус независимых и свои прежние наименования Абхазская ССР и Грузинская ССР” (с. 132).

А теперь обратимся к фактам. Действительно, помощь ДРГ абхазским властям в борьбе не только с интервенцией Турции, Деникина, но и с большевистскими путчами, опирающимися на значительную часть крестьянства в борьбе с “меньшевизмом”, накалила грузино-абхазские отношения, что обусловило рост национализма в определенных кругах Абхазии, подогреваемый большевиками. Складывалась сложная ситуация, и выход был найден: 4 марта 1921 г., через десять дней после взятия Тбилиси Красной Армией, было объявлено о создании Абхазской Советской Социалистической Республики.

Однако о “независимости” вопрос встал позже. 28—29 марта на совещании в Батуми представителей Кавбюро ЦК РКП(б), ЦК КП(б) Грузии и Ревкома Абхазии было решено объявить самостоятельность Абхазии до решения вопроса на съезде Советов о ее “федерации с РСФСР или СССР”, при этом партийная организация до конференции носила название Оргбюро РКП(б) в Абхазии и подчинялась Кавбюро РКП(б), а по законодательной линии для Ревкома Абхазии должны были служить материалом декреты Ревкома Грузии²³.

Вопросы “независимости” обсуждались абхазскими и грузинскими коммунистами. Так, Н. Лакоба свидетельствует: “Когда мы в марте (1921 г.)

вошли в Сухум, то сказали: чтобы вытравить национальную ненависть между трудящимися Абхазии и трудящимися Грузии, нужен маленький период времени и нужно, чтобы мы себя объявили независимой республикой. На это грузинские коммунисты согласились”²⁴.

Характерно, что, принимая декларацию “О независимости ССР Абхазии” (май 1921 г.), Ревком Грузии тогда же полагал, что “вопрос о взаимоотношениях между ССР Грузии и ССР Абхазии окончательно будет решен на первом съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов как в Абхазии, так и в Грузии”.

На первой областной партконференции в январе 1922 года Н. Лакоба, один из создателей “независимой” Абхазии, говорил: “Когда мы, ответственные работники Абхазии, сказали нашим старшим товарищам по партии, что для того, чтобы среди мелких народностей, как, например, абхазской, сохранить идею советской власти (а это очень важно), нужно на одну минуту объявить Абхазию независимой республикой, нам ответили: “Объявляйте себя независимой республикой, лишь бы это помогло сохранению советской идеи, укреплению советского строя в этой крошечной Абхазии (выделено мною. — *Авт.*)”²⁵.

О временном характере “независимости” Абхазии говорил и другой лидер абхазских коммунистов, Е. Эшба: “Мы думали, что Абхазия будет существовать как составная часть Советской Грузии, но, когда мы сюда приехали и разобрались, в какую атмосферу попали... мы единодушно остановились на том, что для изживания национальной розни необходимо хотя бы временно, до съезда Советов, объявить независимость Абхазии (выделено мною. — *Авт.*)”²⁶.

Напомним, что в целях “советской идеи и укрепления советского строя” в 20-е годы создавались и другие так называемые “независимые” республики (Ставропольская, Кубанская, Причерноморская и т.д.), которые впоследствии были преобразованы в области Российской Федерации.

Вот так выглядит “ненависть” абхазских лидеров ко всему грузинскому, их так называемое стремление отделиться от Грузии. Напротив, “независимость” Абхазии была взаимосогласована коммунистами Грузии, Абхазии и РСФСР как временная мера на пути определения статуса Абхазии в составе Грузии.

Реальность требовала от коммунистов учета интересов неабхазского населения края, составляющего большинство, в частности грузин. Безусловно, нельзя было не принимать во внимание, что Абхазия исторически была связана с Грузией как ее часть, не говоря уже о том, что на территории Абхазии и грузины составляли коренное население (около половины), а грузинский был единственным языком государственности и христианского богослужения на протяжении многих веков. Лишь в XIX веке принимаются первые попытки создания абхазской письменности на основе латинского либо русского алфавитов. Решающее значение имел также экономический фактор, учет потенциальных возможностей края в этом отношении, схожесть климатических условий и прочность хозяйственных связей Абхазии со смежными регионами Грузии.

Поэтому вполне закономерным выглядит заключение в декабре 1921 года союзного договора между Грузинской ССР и Абхазской ССР.

Имея в виду тенденции со стороны некоторых абхазских лидеров негативно оценить объединение Абхазии и Грузии, опасения того, что Абхазия ущемляется в политическом отношении и теряет независимость, Н.А. Лакоба, выступая на I Областной партконференции (8 января 1922 г.), говорил: “Вопрос тесной связи, братской связи абхазского народа с грузинским стал перед нами практически, и он осуществляется путем добровольного договора между двумя республиками. Наши экономические органы, финансы, военное дело и все, что необходимо объединить с советскими органами Грузии, — объединяется, и это должно делаться в интересах как абхазского народа, так и грузинского. Хорошо было бы, если бы это было проделано несколько месяцев тому назад, но тогда перед нами стояла задача, состоявшая в том, чтобы вытравить здесь национализм”²⁷.

В. Похлебкин утверждает: “Ни о каком вхождении Абхазии в Грузию речи не шло. В абхазском тексте (выделено мною. — Авт.) договора совершенно недвусмысленно говорится об объединении (усилий, ресурсов, планов, возможностей и т.д.), но не об административном вхождении или подчинении. Юридически же договаривающиеся стороны сохраняли свой статус независимых и свои прежние наименования: Абхазская ССР и Грузинская ССР” (с. 132).

Во-первых, официальное название было ССР Грузии и ССР Абхазии.

Во-вторых, объединились “не усилия, ресурсы, планы, возможности”, а прежде всего государственные органы — комиссариаты: военный, финансовый, военного хозяйства и т.д. (см. выше), а “иностранные дела оставались целиком в ведении ССР Грузии” (прим. 1 к ст. 2), железные дороги передавались в ведение Закавказской железной дороги, внешняя торговля — Объединенному внешторму Грузии, Азербайджана, Армении (прим. 2).

А главное, во все краевые объединения, в частности в Федерацию Закавказских Республик, “Абхазия входит через Грузию”.

Характерная деталь: В. Похлебкин так усердно пытается выдать белое за черное, что объявил себя знатоком абхазского языка. Но где он нашел абхазский текст?! Такого ведь не существует, так же как и грузинского, он был составлен только на русском языке!

Не мудрено, что В. Похлебкин вычитал то, чего нет в договоре, а лишь подразумевается: заключался союзный договор, по которому Абхазия вступала в состав Грузии, оговаривая принципы своего статуса, квалифицированные всеми, в том числе и абхазскими лидерами, как отказ от “независимости на минуту в пользу широкой автономии во внутренних делах в составе Грузии”.

В. Похлебкин резюмирует: “Таким образом, в советское время, с 1921 по 1931 год, Абхазия формально-юридически сохраняла звание союзной республики, то есть страны, государственность которой фактически признавалась на международном уровне, поскольку лишь союзные республики обладали легитимным правом выхода из СССР и тем самым за ними формально-юридически признавалась возможность стать субъектами международного права” (с. 133).

Но ведь именно “формально-юридически” Абхазия не считалась союзной республикой ни со стороны партийных органов — РКП(б), Закбюро РКП(б), ни тем более Конституции СССР 1924 года. Это была

договорная республика в составе Грузии, то есть ее статус прежде всего определялся договором, я бы сказал, о вхождении Абхазии в состав Грузии на оговоренных условиях, что исключило ее из числа независимых, даже “на минуту”, государств.

Статусы союзных республик и автономных республик, даже “договорной”, отличались друг от друга в корне, и это правило строго соблюдалось как партийными, так и советскими инстанциями.

Характеризуя статус Абхазии в составе Грузии, Н. Лакоба в мае 1922 года на II областной партконференции сказал: “Мы суверенное государство, но не независимое. В этом отношении нам надо было не забываться, мы должны были сказать, что эти политические формы, объявление независимости и т.д. — чепуха, этим соблазняться не надо было. Нам нужна была вывеска, мы ее вывесили, но преклоняться перед этой вывеской не надо было (выделено мною. — *Авт.*)”²⁸.

В декабре 1925 года в своем выступлении на IV съезде Грузии Н.А. Лакоба, касаясь вопроса о создании ЗСФСР и критически относясь к прежней своей и других товарищей мысли о непосредственном вхождении Абхазии в ЗСФСР, заявил: “Абхазия представляет из себя разношерстную республику, причем отдельные части этой республики еще как следует между собой не срослись. В Абхазии постановка вопроса о том, что она действительно независима и куда-то хочет уйти от Грузии, приведет к тому, что Абхазия, как картонный домик, построенный шаловливой рукой мальчика, распадается (выделено мною. — *Авт.*). Это действительное положение вещей. Об этом говорит действительность, если ее брать так, как она есть”²⁹.

Таким образом то, что не смогла сделать царская Россия, не смогла сделать и большевистская Россия, то есть разделить, разъединить Абхазию и Грузию. Даже в самые напряженные дни, в период обострения чисто этнических отношений между абхазами и грузинами, считалось невозможным “отделение навсегда” и речь шла лишь о временной независимости, “вывеске”, “на одну минуту”.

В то же время следует подчеркнуть, что Абхазия в силу исторической справедливости имела право на особый статус в составе Грузии и именно это закреплялось Договором о союзе и конституциями Грузии и Абхазии.

Важно отметить, что позиция Н. Лакобы и Е. Эшба реалистично отражала сложившуюся международно-правовую, внутригосударственную и даже партийную практику взаимоотношений РСФСР, Грузии, Азербайджана, Армении.

Ни в договорах РСФСР с Закавказскими республиками (Грузия, Армения, Азербайджан), ни в международных актах того времени с участием РСФСР, где фигурируют те же республики (например, договор с Турцией), ни в документах, исходящих непосредственно от Ленина (обращение к коммунистам Кавказа, проект организации Закавказской федерации и др.), ни в других официальных материалах того времени Абхазия не фигурирует. Следовательно, она, будучи договорной республикой и даже именуемая в Конституции Грузинской ССР 1927 года как ССР Абхазии, юридически рассматривалась как автономная часть Грузии, что и было зафиксировано в Конституции СССР 1924 года, где Абхазия упоминается как автоном-

ная республика наряду с Аджарией и автономной областью Юго-Осетии.

Известно, что Договор об образовании СССР (30 декабря 1922 г.), перечисляя стороны, не только упоминает лишь РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР, но и перечисляет государства, входящие в Закавказскую федерацию: “Грузия, Азербайджан и Армения” (преамбула).

Таким образом, говорить о существовании “четвертой союзной республики Закавказья, а позднее о члене федерации — ЗСФСР”, как это делает В. Похлебкин, значит исказить историческую действительность.

Дальнейшее развитие событий было вполне логичным: происходила экономическая интеграция Абхазии в составе Грузии, менялись правовые формы политической взаимосвязи.

Следует отметить и то, что в Абхазии продолжали существовать сепаратистски настроенные силы, под давлением которых была принята Конституция (1 апреля 1925 г.) Абхазской ССР, которая так и не была обнародована и не вошла в силу, ибо, по выражению Н. Лакобы, (2 декабря 1925 г.), эта “конституционная глупость” не соответствовала реальному правовому статусу Абхазии в составе Грузии³⁰. (Характерно, что эта Конституция признавала государственным языком учреждений лишь русский язык.)

В 1926—1927 годах были приняты Конституция Грузинской ССР, Конституция Абхазской ССР, четко регламентировавшие взаимоотношения этих государств. (Характерно, что государственными языками в Абхазии признавались абхазский, грузинский и русский.)

Состоявшаяся в апреле 1930 года третья сессия ЦИК Абхазии рассмотрела вопрос о договорных взаимоотношениях между ССР Грузией и ССР Абхазией. Было отмечено, что изменения, происшедшие за десять лет в политической, хозяйственной и культурной жизни Грузии и Абхазии, требуют пересмотра договора от 16 декабря 1921 г., так как он не отражает действительных взаимоотношений и устарел, за исключением пункта, касающегося объединения Абхазии и Грузии. “В связи с тем, что договор от 16 декабря 1921 г. потерял реальное значение и, следовательно, его можно рассматривать лишь как соглашение об объединении ССР Абхазии с ССР Грузией, а действительные взаимоотношения этих республик были точно определены в их Конституциях, — необходимо признать, что наименование договорной ССР Абхазии не имеет реального содержания”, — говорится в справке правительства Абхазии, подготовленной к этому моменту. Принимая во внимание вышеизложенное, третья сессия ЦИК Абхазии постановила: «Исключить из Конституции ССР Абхазии название “Договорная республика”, заменив его словами “Автономная республика”». VI съезд Советов Абхазии, проходивший в феврале 1931 года, одобрил решение третьей сессии ЦИК Абхазии (апрель 1930 г.) о преобразовании договорной ССР Абхазии в автономную и решил “ввести Абхазию в состав Советской Социалистической Республики Грузии на автономных началах”. В связи с этим Н.А. Лакоба на этом съезде говорил: “Вопрос о взаимоотношениях между трудящимися Грузии и Абхазии разрешен полностью... как особый вопрос, считается совершенно снятым с повестки дня”³¹.

Решения третьей сессии ЦИК Абхазии и VI съезда Советов Абхазии о преобразовании договорной республики Абхазии в автономную республику в составе Грузии одобрил VI съезд Советов Грузии (февраль 1931 г.).

Были внесены изменения в конституции Абхазии и Грузинской ССР. Абхазия стала называться Автономной Советской Социалистической Республикой, входящей в состав Грузинской ССР. Отныне их отношения получили новую правовую базу.

4. О правах абхазов и вообще Абхазии в составе Грузии накануне конфликта — августа 1992 года и фальсификации фактов

Конечно, условия “советской действительности”, когда КПСС и Правительство СССР, мастерски играя на существующих национальных противоречиях, а в нужное время и создавая эти противоречия, не могли не отразиться и на Грузии, и прежде всего на Абхазии, где успешно продолжалось “обрушение края”, начатое еще самодержавием. Достаточно сказать, что в 1989 году 77 200 из 93 000 абхазов, то есть почти 70%, свободно владели русским.

На определенных этапах Компартия Грузии и правительство пытались помешать этому процессу за счет “грузинификации”. Это были короткие периоды, сопровождаемые серьезными ошибками и просчетами, но они умело использовались Москвой и ее “союзниками” в руководстве Абхазской АССР для нового нагнетания напряженности.

За несколько последних десятилетий же Абхазская АССР являла собой республику, в которой абхазы пользовались не только равными, но и преимущественными по сравнению с грузинским и другим населением Абхазии правами.

Поэтому гипертрофировать результаты этих периодов не следует, а следует исходить из положения, сложившегося в последние десятилетия.

В составе Грузинской ССР Абхазская АССР пользовалась невиданной для советской автономии свободой и правами.

Абхазская АССР была единственной автономной республикой в бывшем СССР, в Конституции которой имелась статья о государственном языке — абхазском.

Если в 70-е годы в Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской, Калмыкской АССР, Адыгейской, Карачаево-Черкесской АО обучение детей коренных национальностей на родных языках не велось, то в Абхазии функционировало 25 абхазских школ, а в последнее время их было 73 (абхазских и смешанных), в которых обучались на абхазском языке свыше 4 тыс. школьников.

В городе Сухуми функционировали: Абхазский государственный университет, Абхазское национальное телевидение, вещавшее только на абхазском языке, абхазский государственный драматический театр, абхазский государственный краеведческий музей, литературно-мемориальный музей им. Д.И. Гулиа, Абхазский государственный ансамбль песни и танца, танцевальные ансамбли “Шаратын” и “Эрцаху”, государственный симфоничес-

кий оркестр, абхазская государственная хоровая капелла, вокально-инструментальный женский квартет “Гунда”, этнографический ансамбль песен и плясок долгожителей Абхазии “Нартаа” — обладатель международного (в Венгрии) приза “Золотой павлин”. Кстати, многие из перечисленных коллективов неоднократно гастролировали за рубежом, знакомя зрителей с национальной культурой абхазов.

Функционировали Союзы писателей, композиторов, художников, архитекторов, государственная картинная галерея, государственная публичная библиотека, театральное общество. Издавались на родном языке художественная, историко-этнографическая литература, выпускались журналы и газеты на базе собственного Дома печати.

Помимо научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа в автономной республике функционировало более 20 научно-исследовательских учреждений. Многие из них имели союзное и мировое значение в области своих научных исследований.

По данным 1988 года, по количеству книг и брошюр, издаваемых на родном языке на каждые 10 тыс. человек в бывшем СССР, абхазы были на первом месте (4,3 наименования), а грузины — на 13—19-м местах (0,3 наименования). По тиражу же изданий абхазы уступали лишь эстонцам и латышам.

В государственных и партийных органах автономной республики абхазы преобладали.

В Верховном Совете было 57 абхазов, 53 грузина и 14 русских.

В городских и районных Советах треть всех мест принадлежала абхазам.

В Совете Министров и городском комитете партии абхазов было больше половины.

Из 12 министров восемь были абхазами.

Из восьми председателей Госкомитетов пять были абхазами.

Из восьми городских и районных прокуратур пять возглавлялись абхазами.

До 1990 года абхазы были широко представлены в высших органах власти и Коммунистической партии Грузии. Более того, в 1991 году сепаратисты смогли добиться принятия Закона, дающего в 65-местном парламенте абхазам 28 мест, грузинам — 26, остальным — 11.

И это в условиях, когда в регионе 46% населения составляли грузины, 35% — русские, армяне и др., а абхазы — немногим более 17%.

Мощно поддерживаемые извне, прежде всего определенными политическими и военными кругами СССР, а затем РСФСР, абхазские сепаратисты не раз ставили вопрос о присоединении к СССР, затем к России. Но особенно “эффективными” стали эти действия в период распада СССР и восстановления Грузией своей государственной независимости, когда сторонники сохранения Союза делали все для взрыва изнутри “непокорных республик”, используя политические амбиции лидеров сепаратизма.

В 1989—1992 годах началась “конституционная” и “идеологическая” агрессия сепаратизма: отменялись действия законов Грузии, шло переподчинение силовых министерств, накапливалось вооружение, одновременно шла антигрузинская истерия.

В. Похлебкин говорит о “геноциде” абхазов и “засилии грузинами абхазской территории”, угрожающем самобытности абхазского народа. В самом деле, в 30-х и в начале 50-х годов имело место организованное переселение населения по указанию Союзного правительства как в Абхазию, так и в другие регионы Грузии преимущественно из горных, малоземельных районов с тяжелыми природными условиями в целях развития на местах их поселения таких трудоемких отраслей хозяйства, как чаеводство, табаководство, виноградарство и пр. Но число таких переселенцев в Абхазию не превышало 10 тыс. человек, а вовсе не составляло сотен тысяч.

Неопровержимым фактом является то, что более века грузинское население превышало абхазское в регионе. “Забывают” о том, что с 1896 по 1989 год оно увеличилось всего в 7 раз, а вот русское и армянское население — в 65,5 и 67,6 раза соответственно.

Характерно, что за годы советской власти собственно население абхазов неизменно увеличивалось, достигнув в 1992 году 93 тыс. человек.

Эти процессы наблюдались и в других союзных республиках. Однако именно это обстоятельство было использовано сепаратистами для обоснования неправомерности претензий грузинского населения на такую же принадлежность к коренным народам Абхазии, как и сами абхазы, хотя грузины всегда подчеркивали особенность прав абхазского народа, не имеющего аналога за пределами Грузии.

Именно эта идеология легла в основу борьбы “за восстановление независимости и демографического состава Абхазии”, вылившейся в политику “этнической чистки”, доведенной до уровня преступления геноцида: из 250 тыс. грузин были частично уничтожены 6 тыс., а остальная часть силой изгнана из своих родных мест в ходе конфликта.

Эта ситуация сегодня хрестоматийна для так называемых “этноконфликтов”, когда сепаратисты используют этническую чистку как орудие своей политики. Специальная группа экспертов ООН сформулировала это понятие следующим образом. “Этническая чистка — это целенаправленная политика, разработанная одной этнической или религиозной группой для удаления насильственными и приводящими к террору методами гражданского выселения другой этнической или религиозной группы из определенных географических районов. В значительной степени она осуществляется под прикрытием псевдонационализма, исторических обид и мощного чувства мести с целью оккупации территории и удаления с нее той группы или групп, в отношении которых осуществляется эта чистка”. Причем осуществляется она “с использованием убийств, пыток, произвольных арестов и задержаний, внесудебных казней, изнасилований и сексуальных посягательств, насильственного изгнания, переселения и депортации гражданского населения” (S/1994/674, пп. 129—130).

Этот факт признан Будапештским (1994 г.) и Лиссабонским (1996 г.) саммитами ОБСЕ, Советом Безопасности ООН, Евросоюзом, Советом глав государств — участников СНГ (Минск, 1995 г. и Москва, 1996 г.), в документах Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств ООН (Док. E/CN.4/Sub.2/1994/36, р. 8).

Доктор наук С. Червонная, ведущий научный сотрудник Центра по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии

Российской Академии наук, кратко, но емко охарактеризовала вышеуказанные факты: “Все воспитание историей, которое изо дня в день велось в 1990—1992 годах на страницах абхазской националистической печати, по автономно-республиканскому радио и телевидению, с кафедры Абхазского университета, из аудиторий и кабинетов Абхазского института языка, литературы и истории имени Д.И. Гулиа... даже в школах... было направлено на раскачивание этнополитической ситуации, на возбуждение национальной вражды, на идеологическое обеспечение готовящейся провокации — “выхода” Абхазии из Грузии”.

В массовом сознании специально заинтересованные в этом политические круги упорно создавали “образ врага”: в лице такого “врага” прежде всего выступал грузин (любой грузин, включая ближайшего соседа). На него возлагалась вина за все беды абхазского народа... он, мол, “все разграбил, все прибрал к своим рукам, он пьет кровь Абхазии”³².

Летом 1992 года усилилась дестабилизация, имевшая место в западных районах Грузии, где сторонники бывшего президента путем террора и нападения на поезда пытались бороться с новым, демократическим правительством Республики Грузия.

На территории Абхазии участились случаи разграбления поездов, везущих грузы не только в Грузию, но и в Армению. Захваченных террористами заложников, в том числе членов правительства, держали на территории Абхазии. Сепаратисты были не способны, или не желали, положить конец хаосу и блокаде дорог.

Власти Республики Грузия вынуждены были передислоцировать свои вооруженные силы в Абхазию для охраны коммуникаций. Решение было принято Государственным советом на открытом заседании 10 августа 1992 г., и об этом знали как в Грузии, так и за ее пределами. Воспользовавшись тем, что военное командование не согласовало дату ввода вооруженных сил, сепаратисты 14 августа открыли огонь по мирно движущейся колонне. Несколькo человек было убито.

Так начался конфликт, к которому сепаратисты давно готовились, закупая оружие, завозя наемников.

Я не буду касаться самого конфликта, это особый разговор, к которому я вернусь в своей следующей публикации, ибо в ходе вооруженного конфликта, в котором на стороне сепаратистских сил воевали тысячи наемников, или так называемых “добровольцев” из Северного Кавказа, других регионов России, а главное — даже части Вооруженных Сил России, возник ряд серьезных правовых аспектов, требующих особого исследования.

О праве Абхазии “на самоопределение, вплоть до отделения”

Что касается права народов на самоопределение, то современное международное право весьма категорично в этом отношении: признавая право всех народов на самоопределение в рамках уже существующего государства, как и малых народов, вплетенных в ткань населения такого государства, оно в то же время отвергает право этих малых народов, прожи-

вающих в демократическом государстве, на одностороннее, без учета воли всего государства, отделение.

Современное международное право и прежде всего международно-правовая практика фиксируют сочетание права народов на самоопределение с принципом территориальной целостности суверенного демократического государства (“Декларация ООН о принципах международного права” 1970 г., а также основополагающие документы ОБСЕ, Венская всемирная конференция по правам человека 1993 г.), единодушно признавая право на одностороннее, даже с применением силы, отделение лишь за колониальными и зависящими народами, и подчеркивают, что реализация этого права не должна истолковываться как разрешение или поощрение любых действий, нарушающих или подрывающих, полностью или частично, территориальную целостность или политическое единство суверенных независимых государств, которые соблюдают принцип равноправия и самоопределения народов и в силу этого имеют правительства, представляющие интересы всего народа на их территории без каких-либо различий.

И тем более это недопустимо, когда “претендующий на выход” народ является меньшинством по отношению к населению не только всего государства, но и региона, где он проживает и на верховенство в котором он претендует.

Не говоря уже о том, что почти половина этого народа находится в смешанных браках с представителями большинства и на всей территории региона единого, компактно проживающего этнического сообщества не составляет.

Этим принципом и руководствуется сегодня международное сообщество государств как на глобальном (ООН), так и на региональном (ОБСЕ, Евро-союз, СНГ и т.д.) уровнях, ибо в противном случае, как это не раз подчеркивал Генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос Гали, мир станет ареной хаоса (“Повестка дня для мира”, 1992 г., п. 19).

Именно поэтому ни одна из “выделившихся” с оружием в руках политических единиц на постсоветском пространстве не признается “независимым государством” ни ООН, ни ОБСЕ, ни Евросоюзом, ни СНГ.

Сегодня право таких народов на самоопределение “повернуто внутрь” и рассматривается как право на максимальное самовыражение в области языка, традиций, культуры и даже политических институтов, но в границах государства, уважающего эти права³³.

Об этом уже многое написано в российской научной литературе, к сожалению с большим опозданием. Думаю, что это тема большого разговора, не укладывающегося в рамки данной статьи, но достойного специального номера данного журнала³⁴.

В отношении Абхазии у международного сообщества существует совершенно четкий подход: “самопровозглашенная независимая республика” не признается — она остается “неотъемлемой частью Грузии” (Решение глав государств — участников СНГ от 19 января 1996 г.), переговоры о политическом статусе Абхазии могут базироваться только на принципе пребывания “в составе государства Грузии” [Резолюция Совета Безопасности ООН 1096 (1997)], признается “незыблемость су-

веренитета и территориальной целостности Грузии в ее международно признанных границах [резолюции Совета Безопасности ООН 1994—1997 гг., Будапештский и Лиссабонский саммиты ОБСЕ (1995, 1997 гг.), Европарламент (Заявление от 14 ноября 1996 г. и последующие)].

Злодеяния сепаратистов в отношении грузинского населения также не прошли мимо международного сообщества: участники Будапештского, а затем Лиссабонского саммитов ОБСЕ “осудили” этническую чистку, в результате которой имеют место “массовое уничтожение и насильственное изгнание преимущественно грузинского населения в Абхазии”.

Эти выводы поддержали, и не раз, Совет Безопасности ООН [резолюции 1036 (1996), 1065 (1996), 1096 (1997)], Совет глав государств — участников СНГ (май 1995 г.), Европарламент (14 ноября 1996 г.)³⁵.

Таким образом, опираясь на принципы современного международного права, на историю и, главное, характер прав абхазов в Абхазии в составе Грузии, современное международное сообщество не только отказывает в признании добившегося при помощи оружия режима, но и осудило его за преступления против человечности, ставшего в Абхазии одним из главных орудий агрессивного сепаратизма.

Не касаясь деталей современного положения на переговорах об урегулировании конфликта в Абхазии, отмечу главное: не признавая независимости сепаратистского режима, осуждая его за агрессивность и этническую чистку в условиях, когда $\frac{1}{5}$ населения либо насильственно изгнано из региона, либо бежало, в том числе более 40 тыс. самих абхазов, Грузия все же ведет переговоры, стремясь мирно урегулировать статус Абхазии в составе грузинского государства, построенного на федеративных принципах, в котором Абхазии предоставляется статус федерации с наиболее широкими правами аналогично статусу ряда республик — субъектов Российской Федерации. Но эти предложения отвергаются абхазской стороной, требующей создания “не федерации, а двустороннего равносубъектного общего государства”, содержание которого до сегодняшнего дня не расшифровано полностью. Также упрямо сепаратисты отказывают беженцам и перемещенным лицам, прежде всего грузинской национальности, в праве вернуться к родным очагам без всяких предварительных условий, но при обеспечении должной безопасности.

В последнее время наметился прямой диалог между грузинской и абхазской сторонами в конфликте, делаются шаги по включению в процесс урегулирования народной дипломатии, интеллигенции, общественных и государственных деятелей сторон. Все это обнадеживает, но предстоит еще большая и сложная работа, требующая терпения и осторожности.

Заигрывать с агрессивным сепаратизмом сегодня так же опасно, как и пропагандировать войну со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Юристы-международники должны стоять на страже поистине демократического международного правопорядка, а не раскачивать лодку, оправдывая попытки агрессивного сепаратизма — разрушить с трудом достигнутый миропорядок, в котором права человека являются высшей ценностью, определяющей степень демократичности как государства, так и сообщества государств.

Могу сказать определенно: статьи В. Похлебкина льют воду именно на мельницу этих попыток, вопреки здравому смыслу, историческому опыту и признанному современному правопорядку, установленному международным сообществом государств.

* * *

И в заключение. В. Похлебкин, видимо, и впрямь вообразил себя “ораклом” кавказских народов и в своей новой статье дает довольно сомнительные рецепты Правительству России, ибо режим ныне, по его мнению, “груб и туп, что не раз доказывал на “отлично”. И поддерживать его в глупейших и позорнейших актах и шагах не могут порядочные люди” (К вопросу о новых принципах государственно-правового подхода в проведении национальной политики России на Северном Кавказе// МЖМП. — 1997. — № 2. — С. 149).

Я не могу обсуждать вопросы, относящиеся к внутреннему делу России, думаю, это сделают мои российские коллеги, но меня поражают терминология и тон В. Похлебкина, недопустимые в научной литературе, а тем более в таком солидном и авторитетном журнале.

Я ограничусь лишь анализом постулата, изложенного в этой новой статье, как бы подводящей к логическому выводу, подготовленному в статье предыдущей.

Повторив свое утверждение “о невозможности совместного проживания абхазов и грузин”, “неодолимой тяге последних к народам Северного Кавказа”, В. Похлебкин заключает: “Но Россия вечно препятствовала отделению Абхазии от Грузии, отчего абхазцам пришлось в одиночку начать с Грузией войну...”

Если бы новое руководство России было настолько мудро, что согласилось на вхождение Абхазии в состав России, то тогда открылась бы возможность полного преобразования Северного Кавказа...” (с. 150—151).

Не затрагивая довольно сомнительной идеи “о федерации восьми республик Северного Кавказа” в составе России, я отмечу лишь то главное, что нашло отражение в вышеприведенных словах: призыв к России аннексировать Абхазию, оторвав ее от Грузии, не спросив воли последней, всего населения Абхазской АССР.

Вот так выполнил В. Похлебкин социальный заказ тех сил России, которые не зря воевали в Абхазии и сегодня хотят закрепить “де-юре” итоги интервенции, не считаясь с тем, что международное сообщество отказалось признать факт отделения “де-юре”, о чем официально заявил Генеральный секретарь ООН 4 марта 1994 г. в своем докладе Совету Безопасности ООН.

Таким образом, круг замкнулся: ратуя за независимость Абхазии, В. Похлебкин ставит целью привести “независимую” Абхазию в лоно России через федерацию республик Северного Кавказа.

Именно к этим рассуждениям применимы приведенные выше слова самого В. Похлебкина, что это “либо издевательство, либо безрассудство и уж во всяком случае — проявление полнейшего невежества как с исторической, так и с политической и, уж наверняка, с юридической точки зрения”.

¹ Не претендуя на оригинальное историческое исследование, мы положили в его основу материалы, содержащиеся в трудах грузинских ученых: *Жоржолиани Г., Лекишвили С., Тоидзе Л., Хоштария-Броссе Э.* Исторические и политико-правовые аспекты конфликта в Абхазии. — Тбилиси, 1995; *Лордкипанидзе М.* Абхазы и Абхазия. — Тбилиси, 1990; *Ментешашвили А.* Из истории взаимоотношений грузинского, абхазского и осетинского народов. — Тбилиси, 1990; *Пайчадзе Г.* Названия Грузии в русских письменных исторических источниках. — Тбилиси, 1989; *Хоштария-Броссе Э.В.* История и современность. Абхазская проблема в конфликтологическом аспекте. — Тбилиси, 1996; а также абхазских ученых: *Дзидзария Г.* Махаджирство и проблема истории Абхазии XIX столетия. — Сухуми, 1975; *Анчабадзе З.* Очерк этнической истории абхазского народа. — Сухуми, 1976; *Инал-Ипа Ш.* Абхазы. — Сухуми, 1965; *Сагария Б.* Национально-государственное строительство в Абхазии (1921—1931). — Сухуми, 1979.

² *Анчабадзе З.* Из истории средневековой Абхазии (VI—XVII вв.). — Сухуми, 1959. — С. 117—121, 171—177 (цит. по *Пайчадзе Г.* Указ. соч. — С. 28—29).

³ *Лакиер.* История титула государей российских//Журнал Министерства народного просвещения. — 1847. — № I — VI. — С. 82.

⁴ *Бгажба Х.* Из истории письменности в Абхазии. — Тбилиси, 1967. — С. 13.

⁵ *Лейберов И.П.* Россия, Кавказ, Абхазия. — СПб., 1995. — С. 29.

⁶ *Сахокия Тедо.* Сборник. — Тбилиси, 1969. — С. 65.

⁷ Цит. по книгам абхазских ученых: *Инал-Ипа Ш.* Абхазы. — Сухуми, 1965. — С. 163—164; *Анчабадзе З.* Очерк этнической истории абхазского народа. — Сухуми, 1976. — С. 96.

⁸ См. *Дзидзария Г.* Указ. соч.; *Жоржолиани Г. и др.* Указ. соч. — С. 17.

⁹ Центральный государственный исторический архив Грузии (далее: ЦГИА Грузии). — Ф. 416. — Оп. 3. — Д. 1020. — Л. 1—18.

¹⁰ Газеты “Сакартвело”. — 1916. — № 94; “Сахалхо пурцели”. — 1916. — № 565.

¹¹ Политика (Politica). — 1993. — № 9. — Док. № 9.

¹² Центральный государственный архив Абхазии. — Ф. И-39. — Д. 3. — Л. 31.

¹³ Тексты конституций см. в журнале “Политика” (Politica). — 1993. — № 9. — С. 19—24. — Док. 4, 5 и 6.

¹⁴ Там же. — Док. 10.

¹⁵ Там же. — Док. 7.

¹⁶ ЦГИА Грузии. — Ф. 1865. — Оп. 1. — Д. 48. — Л. 100.

¹⁷ *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. — Тифлис, 1887. — С. 85.

¹⁸ ЦГИА Грузии. — Ф. 1861. — Оп. 2. — Д. 37. — Л. 9, 11, 24.

¹⁹ *Жоржолиани Г. и др.* Указ. соч. — С. 25.

²⁰ *Сталин И.* Соч. — Т. 4. — М., 1947. — С. 96.

²¹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. — Ф. 85. — Оп. 4. — Д. 115. — Л. 2.

²² ЦГИА Грузии. — Ф. 1874. — Оп. 1. — Ед. хр. 4.

²³ Партархив Абхазского обкома КПГ. — Ф. 1. — Оп. 1. — Л. 22.

²⁴ *Лакоба Н.А.* Статьи и речи. — Сухуми, 1987. — С. 34.

²⁵ Там же. — С. 24.

²⁶ *Сагария Б.* Указ. соч. — С. 28.

²⁷ *Лакоба Н.А.* Указ. соч. — С. 24.

²⁸ Партархив Абхазского обкома КПГ. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 56. — Л. 88.

²⁹ *Лакоба Н.А.* Указ. соч. — С. 177.

³⁰ Там же. — С. 177—178.

³¹ Цит. по *Сагария Б.* Образование и укрепление советской национальной государственности в Абхазии (1921—1938). — Сухуми, 1981. — С. 224—226.

³² *Червоная С.* Абхазия — 1992. Посткоммунистическая Вандея. — М., 1993. — С. 82.

³³ См. *Бараташвили Д.* Агрессивный сепаратизм (правовой аспект)//Ведомости Независимого консультативного совета Парламента Грузии. — Тбилиси, 1997. — № 2. — С. 14, 19.

³⁴ *Старушенко Г.* Самоопределение — без сепаратизма//Международная жизнь. — 1993. — № 126—128; *Его же.* Не только тушить, но и предупреждать конфликты (Правовая основа превентивной политики и дипломатии)//МЖМП. — 1997. — № 1. — С. 28—48; *Громыко Ан.А.* О пределах права на самоопределение//Советская Россия. — 1996. — 23 июля; Выступление главы делегации РСФСР на 53-й сессии Комиссии ООН по правам человека (Женева, март 1997 года) *Крылова Б.С.* Хотя есть и другие мнения, но они не встречают поддержки со стороны международного сообщества государств. См. *Тузмухамедов Р.А.* Права и свободы народов по международному праву//Российский ежегодник международного права. — 1993—1994. — С. 295—309.

³⁵ См. заявления и Доклад Государственной комиссии Грузии по установлению фактов политики этнической чистки/геноцида против грузинского населения Абхазии и передачи материалов в Международный Трибунал (Док. Комиссии ООН по правам человека и Совета Безопасности ООН — E/CN.4/1994/123; E/CN.4/1995/139; E/CN.4/1996/146; S/1994/225; S/1995/200; E/CN.4/1997/132).

г. Тбилиси.

Л.А. Алексидзе,
член-корреспондент Грузинской Академии наук,
профессор, заведующий кафедрой международного права
Тбилисского государственного университета
им. Ив. Джавахишвили

Статья поступила в редакцию 5 ноября 1997 г.

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ ОБ АБХАЗИИ

В.В. Похлебкин

Цель любого ученого, берущегося за обсуждение сложных политических или юридических вопросов современности, — внести четкость и ясность в любую проблему, осветить ее так, чтобы выдвинуть главное и рассеять тот туман, который обычно в силу некомпетентности или сознательно нагоняется политиками и журналистами в угоду той или иной стороне.

Вот почему нашим журналом и была предпринята попытка дать сводное, краткое, объективное изложение всей суммы правовых аспектов, на основе которых выдвигается требование об отделении Абхазии от Грузии, дать объяснение, за что ведется война.

Иными словами, российскому и зарубежному читателю предоставлялся весь спектр правовых и историко-правовых аргументов, не собранных еще никем воедино, показывающих естественность требования независимости Абхазии. Кстати, редакция в течение двух лет предлагала и ожидала мнения